

Глава первая

Эта история произошла аккурат под Рождество — время, когда свет берёт верх над тьмой, тучи в конце концов расступаются и случается волшебство, которого все так давно ждали.

Он был лучшим из всех котов. Он был худшим из всех котов.

Быстроногий, хитрый и одинокий, Ловкач был Котом с большой буквы. Или мог быть котом, если б не секрет, который ему приходилось скрывать с ранних лет. Секрет, вынуждавший его жить с потаённым чувством стыда, избегать приятельских отношений из страха, что кто-нибудь может прознать...

— А ну, брысь!

Из лондонского холода и тумана появилась тяжёлая метла. Но Ловкач успел отпрыгнуть в сторону, и метла лишь рассекла пустой воздух.

Кот, однако, отказывался уходить. Он переводил взгляд с рыбины на метлу, высчитывая расстояние между ними.

— Брысь отсюда, облезлый ворюга! — завизжала рыбная торговка. Как будто читая его мысли, она бро-

— Полно мышей, ты сказал? — перебил его Ловкач.

— Это *моя* берлога. Держись от неё подальше.

Ловкач уселся и принялся вылизывать лапу, напустив на себя безразличный вид. Для пущей убедительности почесал за ухом.

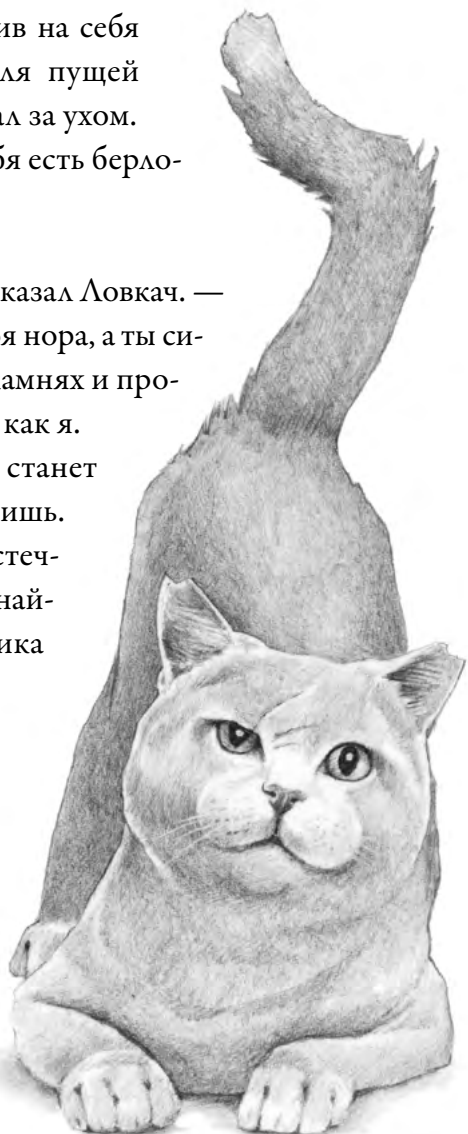
— Не знал, что у тебя есть берлога, Щёлкни.

— Есть. И она там.

— Странно это, — сказал Ловкач. — Уютный трактир — твоя нора, а ты сидишь на обледененных камнях и проводишь день с такими, как я.

— Очень скоро он станет моим домом, вот увидишь. Мыши сожрут это местечко, если его хозяин не найдёт настоящего охотника на грызунов.

— «Сыру» требуется охотник? — переспросил Ловкач, с трудом скрывая волнение. Перед ним забрезжили чудесные перспективы.

Ч. ДИККЕНС

*напёрсточник**

молошко

*фанфарон**

*баламут**

малец

зыркать

*облапошенный**

Я записал эти фантастические слова нынешним утром, пока стоял на углу у «Кафе Рояль» и слушал улитных торговцев. Я записал их быстро, чтобы не стёрлись из памяти.

Больше ничего ценного: кот из «Чеширского сыра» завладел моей фантазией. Шерсть у него красивого голубого оттенка, да и хвост очень забавный. Кот кажется очень грубым. Но во мне как будто бы просыпается писатель. Я вижу: этот парень прячет что-то за сеткой шрамов и важной походкой. Разве он брутален? Определённо, он старается казаться таким — как и Сидни Картон, герой моей нынешней истории.

Четыре бессонные ночи, и у меня нет нагала.

Я ещё не прыгнул в Темзу.

Впрочем, сегодня только вторник.

и наверх

к коридорам, по-настоящему

крутым,

а если нет,

идущим

В

Н

И

З

к ещё более изогнутым,

мняю в поворотах

стуженям, в конце концов

в расклевывающих
тебя

в обеденные комнаты, или

кладовки, или

похожие на темницы подвалы.

А в центре всего наследкой сидит повариха Крумс.
Кулинарный тиран, она управляет на кухне железной
поварёшкой.

Её медные горшки и кастрюли
пузырятся,
и бурлят,
и кипят,
и пенятся

в непрерывном процессе приготовления супов и вто-
рых блюд.

Повариха Крумс

И через все кирпичи и балки её
владений доносится сладостный
аромат истории вместе с зат-
хлым запахом прошлогодне-
го йоркширского пудинга,
жаркого из ягнёнка, битков
из баранины, стейка и пи-
рога с почками.

Ловкач отыскал
кухню.

Но что тут?
Вращающаяся
дверь?

Будто обычные двери
недостаточно опасны.

Вдруг кто-то ущипнул его. Ловкач обернулся. Маленькая мышка, размером не больше лесного ореха, отступив на шаг, сложила лапки и прочитала нараспев:

Истина эта довольно проста.

Знай: любопытство убьёт и кота.

Ловкач рассмеялся от такой дерзости. Он хохотал, закинув голову назад, а насмеявшись вдоволь, приблизил свой нос к носу мышки и произнёс:

— Но любопытный ответы найдёт. Так возродится кот.

подушку. Оттуда ему было слышно бормотание тракторщика:

— Тёмные силы! Почему именно мой паб? Почему не «Старый колокол»? Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. А ты как, кот? Спишь? Что ж, отдыхай. Сегодня подходящий день для мышиной охоты.

Ловкач не двинулся с места. Он не пошевелился, даже когда Адель положила перед ним его завтрак — аппетитный ломтик бекона. Он продолжал спать, хоть и некрепко, когда доставляли продукты.

Только когда ему стали сниться ужасы с костями и черепами, Ловкач проснулся, встречая новый день.

Генри

руку Крумс. Та от неожиданности выронила сахарницу, которая вместе с мышью, всё ещё висящей на ней, ударилась об пол.

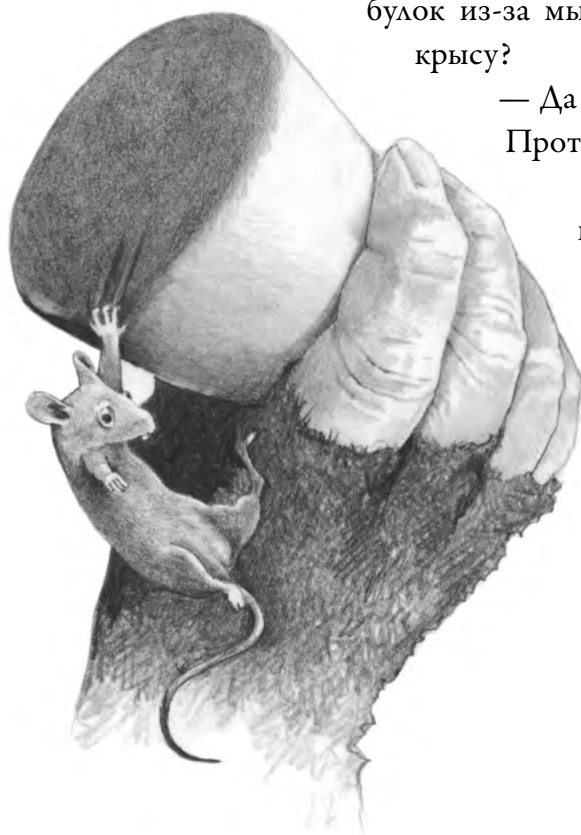
— Проклятье, гром раздери! — закричала Крумс. Она посмотрела вниз и сперва увидела несколько капель крови возле своей ноги, затем — неподвижно лежащее рядом с разбитой сахарницей серенькое тельце Пип.

Повариха неожиданно захохотала.

— Мышь? Ты отвлекла меня от моих булок из-за мыши? Ты же видела крысу?

— Да это одно и то же. Противные грызуны.

— Это не одно и то же, да же не близко. Мышь — не то же самое, что крыса.

ня, развеял все мои планы. Вы оба никогда не летали. Никогда не смотрели на мир с высоты птичьего полёта. Высоко паря, повинувшись неведомым силам, я позабыл самого себя. Некоторое время я блуждал в невыразимом опьянении — освобождённый, раскованный, но в конечном счёте потерянный.

Не в силах промолчать, Ловкач переспросил:

— Потерянный?

— Когда я повернул к Тауэру, сильный порыв ветра подхватил меня и закрутил. Мне потребовалось мно-

— Мне слышалось, или ты сказал, что она мертва?

Не тратя времени на разговоры, Ловкач дал волю инстинкту. Он шлёпнул Пип с такой силой, что маленькая мышь полетела по крыше.

— Прочь отсюда, — прорычал Ловкач.

Одно мгновение коты не двигались. Щёлкни смотрел на Ловкача. Ловкач был непроницаем. Он смотрел на Пип, которая взглянула на него со страхом и обидой. Не теряя времени, она добежала по крыше до открытого окна и шмыгнула в него.

— *Что это было*, хотел бы я знать? — воскликнул Щёлкни. Но говорил он уже сам с собой. Ловкач пропал.

— К счастью, я не на твоём месте. Я это я. Я говорю, что хочу, и живу, где хочу, хоть на площади Пикадилли. А твои вкусы, похоже, родом из *трущоб*.

Щёлкни, в течение долгих дней сдерживавший свой легендарный нрав, обнажил когти. Его шерсть вздыбилась, хвост стал похож на щётку трубочиста, а уши прижались к голове. Он яростно зашипел. Зарычал. И прыгнул на Ловкача. Но тот успел увернуться вправо, и Щёлкни шлёпнулся на каменный пол у дальней стены — лапы разъехались в стороны.

